

КСЕНИЯ СИДОРОВА

I HATE YOU TOO

Студийный портрет принято снимать на нейтральном однотонном фоне. Предполагается, что белый бумажный задник не несет в себе лишней информации и потому является идеальным фоном. Равно как и галерейный белый куб, заполненный рассеянным белым светом. Белый лист в сознании современного человека имеет связь только с одним временным вектором — устремлением в будущее. Устойчивые выражения (например, «чистый лист») и среды, ассоциирующиеся с чистотой и нейтральностью, почти всегда замалчивают или скрывают искусственность своего происхождения; мы редко вспоминаем о том, как возникает белизна. О том, как целлюлоза проходит через несколько аппаратов и этапов варки, очищения, склейки и высушивания; чтобы добиться белизны, полученную массу несколько раз помещают в раствор кислоты или каолина. Мы редко задумываемся о том, что белый свет всегда многосоставен и получается путем смешивания нескольких источников (RGB-светодиоды или люминофорные светодиоды). «Очищенные» и «обнаженные» поверхности, «прозрачные» интерфейсы представляют идеал футуристичного высокотехнологичного общества будущего (и наступившего настоящего). Как ощущает себя тело, помещенное в подобное пространство? Какие предъявляются к нему требования? Следует ли тело также «очищать» от лишней информации? Какое количество информации жители крупного города готовы считать приемлемым или нормативным? Кто имеет право распоряжаться материей памяти в публичном пространстве? Нагота является предметом двойной трактовки: о ней говорят либо как о чем-то изначальном, «естественном» (но в каких случаях доступна эта «естественность» человеку, вписанному в контекст современной цивилизации *ab initio*?), либо как о результате — добровольном или принудительном обнажении. Акт обнажения обозначает прерывание нормы (нормативной социальности). В обоих вариантах трактовки оголенное тело не может считаться предоставленным себе. Оно всегда является источником тревоги. Ты принимаешь его как неизбежную данность, одновременно принадлежащую и не принадлежащую тебе, всегда пребывающую в среде. Итак, тело, пребывающее в некоторой среде, обречено на неразрешимую диллему: быть для «хозяина» и быть для среды. Быть для «хозяина» — значит, находиться в постоянной трансформации. Быть для среды — значит, представить некий образ себя, не нарушающий конвенций этой среды. В контексте современной городской среды нормативность порой маскируется под фасадами модных веяний и кросскультурных заимствований. Однако стоит сделать несколько шагов в сторону от устоявшихся культурных кодов — и консервативные настроения не заставят себя ждать, а экспериментатор попадет под шквал негативной реакции. Не в последнюю очередь нормативность связана не только с содержанием, но и с количеством репрезентируемой человеком информации. Символическое обнажение всегда остается предметом табу: несмотря на то, что рамки «личного» и «публичного» (особенно если речь идет о травмирующем опыте) сегодня является предметом постоянных пересмотров и дискуссий, общество по-прежнему очень чутко и ревностно отстаивает границы «допустимого», приватного, избыточного и т. п.

Маркеры травмы вызывают острую неприязнь и неприятие. В то же время чрезмерная скрытность, недостаток информации могут спровоцировать подозрения и вопросы. Таким образом, тело становится пространством символической борьбы и противоречий, которые существуют как в обществе, так и в самом человеке. А любые модификации (будь то татуировки или хирургические операции) превращают тело в своего рода документ. Это одновременно и маскировка, и обнажение: способ маркировать некое событие или ответную реакцию на него, при этом расшифровка остается доступна лишь самому владельцу. Знак, нанесенный на тело, открывает возможность для перекодирования прожитого.

В своем проекте Ксения Сидорова обращается к проблематике рецепции тела и телесных модификаций как самим человеком, так и обществом. Автор выбирает позицию свидетеля и посредника между оптикой социума и взглядом персонажа, между механическим восприятием и обостренной ответной реакцией. Проект I hate you too точно выражает хрупкое положение современного фотографа-портретиста, который должен суметь и показать, и скрыть: чрезмерная откровенность сделает уязвимым героя, а чересчур формальный подход грозит стереть любое различие между механическим повторением как безразличием и жестом копирования как процессом обучения и последующего различения. Современный портрет перестает быть одиночным снимком. Он возможен только как часть серии, где разворачиваются отношения между человеком и средой его обитания, а конвенциональные границы между объектом и фоном, между цельным и фрагментарным оказываются размыты.

Ольга Дерюгина

www.25kadr-gallery.ru

 25kadrgallery

 25kadrgallery

 twentyfiveKADRgallery